

УДК 821.112.2

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ПРЕСУППОЗИЦИЯ «НЕМЕЦКОЙ ВИНЫ» КАК «КЛЮЧ» К ПОНИМАНИЮ ТЕКСТА РОМАНА Б.ШЛИНКА «ЧТЕЦ»

© О.О.Николаева

В статье рассматривается возможность «прочтения» романа современного немецкого писателя Бернгарда Шлинка «Чтец» с точки зрения выявления концептов, в которых находит свое отражение мировоззренческая пресуппозиция «немецкой вины». Дается анализ одного из выделенных концептов. Высказывается предположение, что без наличия у современных европейцев определенных фоновых знаний, отражающих быт и психический уклад немцев XX века, связывающихся напрямую с историей и культурой современной Германии, интерпретация основных сюжетных линий романа «Чтец» была бы невозможна в полном объеме.

Ключевые слова: мировоззренческая пресуппозиция, «немецкая вина», «селекции».

В качестве отправной точки исследования мы выдвигаем гипотезу о том, что существует возможность рассмотрения текста художественного произведения с использованием данных когнитологии, в частности, такой когнитивной единицы, как «культурный концепт», которая, в понимании некоторых исследователей, например, Ю.С.Степанова [1: 43] и В.Г.Зусман [2: 28], тесно смыкается с лингвистическим понятием мировоззренческой пресуппозиции, включая в интерпретацию текста фоновые знания читателя, иначе говоря, представления человека о мире, социальных законах, религиозных воззрениях, обычаях и так далее [3: 226-227].

В избранном нами для анализа романе современного немецкого писателя Бернгарда Шлинка «Чтец» нас и привлекла, прежде всего, возможность «прочитать» роман с точки зрения того, какую роль в образовании и движении сюжета играют фоновые знания, то есть социокультурные сведения, характерные в большей степени для определенной нации или национальности, освоенные массой их представителей и отраженные в языке данной национальной общности [4: 47], из которых складываются мировоззренческие пресуппозиции и, в частности, интересующая нас пресуппозиция «коллективной вины» немецкого народа или, иначе, «немецкой вины».

Отсюда закономерно вытекает не менее важный вопрос, возникающий в связи с рассмотрением данного произведения, – это современная оценка по прошествии почти семидесяти лет с момента окончания второй мировой войны тех событий, которые привели к ней и несколько раньше способствовали укреплению национал-социализма и его идеологии, последствий тех процессов, которые происходили в Третьем рейхе, и, наконец, меры ответственности немцев за

то, что сразу после сокрушительного поражения гитлеризма стало достоянием широкой общечеловечности: а именно, ответственности за тот размах и невероятную жестокость отлаженного с истинно немецким совершенством механизма массового уничтожения и репрессий, которым подверглись как немецкие евреи, так и все евреи с оккупированных германскими войсками территорий, а, кроме того, противники режима и политические оппоненты, цыгане, гомосексуалисты и военнопленные [5: 22], то есть феномена «коллективной вины» немецкого народа.

Отметим сразу, что в качестве основного предмета нашего исследования мы избрали вторую часть романа «Чтец», руководствуясь при этом тем соображением, что данная часть является кульминацией романа, переломным моментом как в его сюжете, так и в судьбе главной героини, своеобразным ядром всего произведения, содержащим ретроспективные отсылки к началу истории и проспективные – к ее трагическому финалу.

Далее, опираясь на тезис о том, что каждый образованный европейский читатель произведения Шлинка владеет определенными фоновыми знаниями, образующими культурный концепт «немецкой вины», мы выделяем в тексте второй части романа пять основных слов-концептов, представляющих:

- знания, наличествующие у большинства современных жителей Германии по данной теме;
- авторское видение данного концепта, находящее свое отражение в сюжетной и идейной направленности романа. Сюда, в свою очередь, относятся:

- 1) Аушвиц, Краков (Auschwitz, Krakau);
- 2) 1944-1945 гг.;

3) «выжившие» евреи и их воспоминания (мемуары) о пережитом (книга «выжившей дочери») (die ueberlebenden Juden und ihre Memoiren (das Buch der «ueberlebenden Tochter»));

4) надзирательница в концентрационном лагере (Aufseherin in einem KZ-Lager);

5) селекции (Selektionen).

Осознавая, что в рамках относительно небольшого объема данной статьи невозможно произвести последовательный и скрупулезный анализ каждого из предложенных выше слов-концептов, мы останавливаем свой выбор на последнем слове-концепте из списка и рассмотрим, в какой мере его содержательное наполнение находит свое отражение в тексте романа «Чтец».

Итак, **Selektionen – селекции.**

В романе «Чтец» это слово-концепт выступает в нескольких ипостасях и является, в конечном счете, сюжетобразующим.

В первую очередь, оно встречается в связи с «селекциями», реально осуществляемыми главной героиней и другими надзирательницами в лагере: «Каждый месяц сюда присылались из Аушвица примерно 600 новых женщин, примерно столько же отправлялось обратно в Аушвиц, за вычетом умерших за тот промежуток времени. Все знали, что женщин везут в Аушвиц на смерть, ибо возвращали лишь тех, кто уже не мог использоваться для работы на заводе» [6: 97]. Проведение «селекций» было одним из основных обвинений, предъявляемых бывшим надзирательницам на описанном в романе судебном процессе.

Обращает на себя внимание точность описываемой автором последовательности проведения «селекций»: кажется, будто перед нами не художественное произведение, а исторический документ.

Подобное впечатление особенно усиливается при сравнении описания этого процесса, данного Б.Шлинком в романе, с тем, как описывал этот процесс бывший комендант Освенцима Рудольф Гесс: «В Освенциме было два дежурных врача, занимавшихся осмотром транспортов прибывавших заключенных. Заключенных прогоняли мимо одного из врачей, который тут же на месте, пока они проходили мимо него, принимал решение относительно их трудоспособности. Трудоспособные заключенные направлялись в лагерь. Остальных немедленно отправляли на установки для уничтожения» [7: 111].

Однако это далеко не единственное, а скорее самое очевидное и «поверхностное» значение, в котором это слово-концепт употребляется в произведении Шлинка.

Из текста романа становится также известно о «личной» селекции, проводимой Ханной в от-

ношении женщин-заключенных в лагере. На суде о ней рассказывает «выжившая дочь» одной из них – еврейка: «У нее (Ханны – О.Н.) были любимицы, она всегда отбирала самых слабеньких, самых нежных, брала их под опеку, освобождала от работы, устраивала место получше, подкармливала, а по вечерам забирала к себе. Девушкам не разрешалось говорить, что она с ними делала, и мы думали... поскольку потом их увозили... мы думали, что она забавлялась с ними, пока не надоест. Только это оказалось не так, одна девушка все-таки проговорила, и мы узнали, что они читали ей вслух каждый вечер, каждый вечер...» [6: 106-107].

Услышанное побуждает Михаэля поразмышлять о причинах такого поступка Ханны. Он приходит к выводу о том, что таким образом главная героиня пытается «спасти этих бедных девушек, освободив их от непосильной работы и сделав сносным последний месяц их жизни» [6: 107]. Но, строго говоря, с такой точкой зрения никак нельзя согласиться, ведь Ханна по сути использует этих девушек в своих корыстных целях (они читают ей вслух книги), а потом все равно обрекает их на смерть. Отсюда логически вытекает следующая пресуппозиция, она полностью прогнозируема: добро, не сделанное в полной мере, результатов которого не видно – не может считаться добром.

И тут же данная пресуппозиция нейтрализуется прямым вопросом Ханны, обращенным к судье на процессе: «А что бы вы сделали на моем месте?» [6: 102]. Значение этого вопроса в тексте романа тем важнее, что он полностью разрушает и еще одну мировоззренческую пресуппозицию, имеющуюся, как считает Б.Шлинка, у большинства читателей его произведения: по Уголовному кодексу, принятому в Германии, вопросы со стороны обвиняемого судье запрещены. Таким образом, создается эффект «обманутого ожидания», что заставляет читателя с особым вниманием ожидать развязки этой ситуации, то есть реакции судьи.

Однако тот «проигрывает словесный поединок» с обвиняемой Шмитц, заявляя, что «есть дела, в которых просто нельзя участвовать и от которых надо устраняться, если, конечно, от этого не зависит собственная жизнь» [6: 102]. Но не такого ответа ждала от человека, вершащего судьбы других, главная героиня. Ханна действительно не знает ответа на поставленный ею вопрос. Именно это обстоятельство провоцирует ее на следующее высказывание: «Значит... Выходит не следовало мне тогда на «Сименсе» давать согласие?» [6: 103]. И это, как нам кажется, не бравада, не попытка что-либо доказать судье, а

предельно честный вопрос по отношению к самой себе, ответ на который, как понимает сама героиня, она не получит. Это первое в романе осознание героиней собственной вины, еще неясное, но радикально изменяющее ее.

В связи с этим вопросом в романе «Чтец» также ставится проблема о поведении человека в кризисные времена. Решений, как понятно, может быть несколько:

1) можно «приспособиться» к власти, приняв все ее «несправедливости» во имя собственного спокойствия и благополучия своей семьи;

2) можно открыто противостоять существующему режиму, тем самым обрекая себя как неугодного на немедленное уничтожение;

3) а можно, подобно таким прославленным немецким художникам слова, как братья Манн или Бертольд Брехт, отправиться в изгнание, чтобы издалека наблюдать за «ужасами» отвергнутого режима власти.

Главная героиня романа Шлинка избирает первое, так как таким «маленьким людям», как она, не под силу противостоять существующему режиму, им остается лишь жить, руководствуясь инстинктом самосохранения. Вопрос о том, правильна или нет такая позиция, по своей сути является философским, экзистенциальным, и говорить о попытке его окончательного решения, по меньшей мере, слишком самоуверенно.

В этой связи можно лишь предположить, что позицию, когда человек, несогласный с существующим режимом, будто бы «замирает», отстраняется от мира, можно еще расценивать как более или менее приемлемую, поскольку в этом случае человек просто хочет выжить.

Но едва лишь человек, не принимающий власть, но покорившийся ей, начинает с ней сотрудничать, он незримо переступает черту, делающую его соучастником «несправедливостей» власти, человеком, несущим ответственность за все ее промахи и неудачи.

Однако вернемся к вопросу о «личной» селекции Ханна. Почему же главная героиня не попыталась спасти этих девушек от смерти, если она так хотела, по мнению рассказчика, облегчить их страдания? Здесь может быть очень много предположений, но утверждать что-либо, даже чисто гипотетически, нельзя, поскольку автор не дает нам никаких намеков, которые могут обосновать ту или иную точку зрения. Вероятно, не осознавая своей вины, она была просто равнодушна к судьбе тех, кого она обрекла на гибель, подобно палачу, мало переживающему за казненных им людей.

Но, как бы то ни было, отправляя на смерть «юных, хрупких и слабых», Ханна Шмитц нару-

шает одну из важнейших божьих заповедей, гласящую: «Возлюби ближнего своего, как самого себя» (Матф. 22:39) («Liebe deinen Naechsten wie sich selbst»). А поскольку, согласно еще одному, приписываемому Слову Божию, утверждению, «Бог – есть любовь», в качестве возмездия за совершенное зло главная героиня лишается очень важного «составляющего» ее жизни, любви Михаэля. После суда Михаэль уже не может смотреть на Ханну так, как прежде, он винит себя в том, что любил преступницу, груз преступлений Ханна оказывается несоизмерим с силой его любви к ней. Для молодого человека Ханна словно теряет свой естественный облик, становясь лишь бывшей надзирательницей концлагеря, отправлявшей на смерть сотни людей. Именно поэтому Михаэль долгое время не решается встретиться со своей прежней возлюбленной, предпочитая посылать ей кассеты с «начитанными» на них книгами.

Однако их последняя встреча расставляет все по своим местам. Понимая, что Михаэль уже не любит ее так, как раньше, и никогда не сможет смириться с ее «прошлым», Ханна осознает, что она никогда и не искупит в полной мере свою вину.

Затем, в соответствии с утверждением Эриха Фромма, что «осознание человеческой отдельности без воссоединения в любви – есть источник стыда и в то же время это источник вины и тревоги» [8: 24], главная героиня приходит к единственно возможному для нее выходу из этой ситуации, к самоубийству. Так в романе опосредованно реализуется третье значение слова-концепта «селекция»: если ты не любишь людей, ты не достоин любви, и тебе нет, следовательно, места среди живущих.

Таким образом, поставив на примере судьбы Ханна вопрос о «коллективной вине» немецкого народа, Бернгард Шлинка утверждает, что не существует совсем невиновных людей, а есть лишь те, кто не осознает по каким-то причинам свою вину, даже если вина состоит в том, что просто принадлежишь к какому-либо (в частности, немецкому) народу. Однако Шлинка также верно замечает, что, принеся покаяние, необходимо поставить точку, ведь извечный поиск вины может привести к трагическим последствиям (как это и произошло с Ханной).

Итак, руководствуясь соображениями наглядности и обзорности представленного материала, нами произведен анализ лишь одного, наиболее интересного в содержательном плане слова-концепта, в котором находит свое отражение, по нашему мнению, культурный концепт «немецкой вины» в романе Б.Шлинка «Чтец» («Der Vorleser»).

В целом, мы осознаем, что количество выделенных нами слов-концептов не является конечным и может быть расширено при попытке более глубокого исследования, чем в рамках представленной статьи. И, тем не менее, на предложенных выше примерах мы предприняли попытку доказать, что существует непреложная причинно-следственная связь между наличием «культурного» тезауруса современных европейцев (культурные концепты как фоновые знания) и возможностью герменевтического прочтения того или иного художественного произведения.

1. Степанов Ю.С. Концепт // Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический проект, 2001. – С. 43 – 46.

2. Зусман В.Г. Концепт в системе гуманитарного знания // Вопросы литературы. – 2003. – март-апрель. – С. 3 – 29.

3. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. – 308 с.

4. Ахманова О.С., Гюббенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема // Вопросы языкознания. – 1977. – №3. – С. 47 – 54.

5. Peiffer Juergen. «...Im Bewusstsein freudig erfüllter Pflicht» // Erlebte Geschichte. Zeitzeugen berichten im einer Tuebinger Ringvorlesung. – Tuebingen: Schwaebisches Tagblatt Verlag, 1994. – 246 с.

6. Шлинк Б. Чтец: Роман / пер. с нем. Б.Хлебникова. – СПб.: Изд. гр. «Азбука классика», 2009. – 224 с.

7. СС в действии. Документы о преступлениях СС / пер. с нем. – М.: СВЕТОТОН, 2000. – 624 с.

8. Фромм Э. Искусство природы любви / пер. с англ. – М.: Педагогика, 1990. – 160 с.: ил.

PRESUPPOSITION OF THE «GERMAN GUILT» WORLD OUTLOOK AS A KEY TO UNDERSTANDING B.SCHLINK'S NOVEL «THE READER»

O.O.Nikolaeva

The present article analyzes the novel of the modern German writer Bernhard Schlink «The Reader» through the concepts that constitute the presupposition of «the German guilt» world outlook. The detailed description and interpretation of one of these concepts are given in the article. It is assumed, the interpretation of the main plotlines of «The Reader» is impossible for modern Europeans without a certain amount of background knowledge representing the German way of life and thinking in the 20th century which is related to the history and culture of contemporary Germany.

Key words: presupposition of the world outlook, «German guilt», «selections».

Николаева Ольга Олеговна – старший преподаватель кафедры германской филологии Петрозаводского государственного университета.

E-mail: olyanik1983@mail.ru

Поступила в редакцию 14.09.2012